

Театр до вешалки

Павел Отставнов

Павел Отставнов
Театр до вешалки

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Отставнов П. Н.

Театр до вешалки / П. Н. Отставнов — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

Зачем нужен Театр? А зачем нужен воздух? Если можете жить без воздуха – живите! Можете жить без Театра – живите! Истинный Театр начинается с вешалки-виселицы. Вывесьте на виселице все пороки, всё злое в Вас. Затем освободите Душу от защитных одежд и оставьте их на вешалке. И если не можете жить без Театра, входите и смотрите нервно-паралитическую пьесу "Дни осени"...

ТЕАТР ДО ВЕШАЛКИ

Дорогой мой Читатель... Дорогой, именно и поименно дорогой! Всё, что я сейчас Вам расскажу, произошло на самом деле в году... Эка, братья-сестры, сколько лет уже пролетело! Но было, точно было. И кто мне не поверит, пусть первым плюнет в мою раскрытую и беззащитную сейчас Душу...

Итак! В то время моя первая Пьеса ожила, расправила все свои листочки-крылья и стала биться в тесной квартирке.

«Воздух здесь не хрустален, атмосфера не праздничная и простора нет, – взмолилась Пьеса, – а мне летать охота на глазах у чуткого и благодарного Зрителя!»

Ну, что же прикажете с Ней делать? Смотреть, как погибает от тоски? Зверь я что ли? Нет, нет, я – кто угодно, но не душитель прекрасных порывов.

Взял я свою любимую, такую тоненькую и трепетную, на руки и сам понес чужим людям. Понес в Театр, туда, куда и устремлялась моя молоденькая и наивная Пьеса.

О, Театр! Знаете ли Вы, что такое Театр? Вы знаете. А Вы? Нет?

Не знали в то время Театр ни моя Пьеса, ни я, Её Автор...

Не знали и тряслись от страха! Как там примут нас? И примут ли вообще? А может быть и в двери не пустят?

Но, о чудо, впустили, вполне любезно встретили, и даже сопроводили сразу к режиссеру.

– Иррин – улыбаясь, представился пожилой, худощавый мужчина.

– А я – Автор...

– А я, знаете, как-то догадался... сразу. Ой, что это у вас... красивая какая!

Я, друзья мои, надо пояснить, придел Пьесу свою. Купил Ей красивый такой, как это сейчас говорят... а, «прикид». Ну, в самом деле, на люди собрался вести, не неприкрытую же, белую... Эдак и замарать могут. Нет, облачил в яркий, голубенький с красными полосками... э... как это... «прикидон»? Тьфу, ну и словцо! Нет, облачил я Её в яркий наряд!

И режиссер тоже «восторгнулся»... и, вот неожиданность, сразу хватя за Пьесу.

«Ну, ты брат, какой бесцеремонный! Даже руки не помыл!» – думал я и не отпускал свою «кровиночку».

Так и тянули: дядька к себе, но и Автор не сдавался...

Покраснел от усилия режиссер и прокряхтел:

– Да не бойтесь вы, столько их уже через меня прошло...

«Вот этого и боюсь больше всего! Пьеска совсем хрупкая, а этот... Ишь, ручищи какие большущие, загребушие!» – думал я. Но постепенно успокоился, пригляделся. Нет, конечно, на маньяка или соблазнителя опереточного Иррин не походил. Наоборот, в целом вид у него был благообразный и даже одет был не в смирительную рубашку. Но ситуация была знакомая. Да, была и раньше у меня томительная минута принятия сложного решения: «Отдавать или нет?»...

...Отдавали ли Вы свою дочурку единственную замуж.. Тьфу! Слово-то какое, люди, вчитайтесь, не бойтесь правде в глаза посмотреть. «За... муж...» «За мужика» грязного, значит!

Я её растил, холил, берег... Чистую такую, прекрасную... И вдруг... и как снег на голову... и как удар мне по материнскому, тьфу, отцовскому месту... тьфу, чувству... является ОН... Как черт является и собирается уволочь безгрешную девичью душу!

И заметьте, все знают, зачем он явился, этот... Знают, но молчат!

И я промолчал, и я отдал кровиночку свою...

Сейчас уже пятнадцать лет они прожили, дети бегают, внуки мои...

Прочитал сам себя сейчас... Я ли это написал? Это же одержимый какой-то, хозяин рабыни, собственник любимой Вещи написал! Господи, пусть у семейства дочурки будет всё хорошо, жизни своей не жалко для этого...

...Ну-с, успокоимся и продолжим. Отдал я Пьесу свою Ирьюну! Отдал... Это же неизбежность. Ей же дальше надо жить. А жизнь Пьесы – это переход к другим людям. Автор родил – спасибо. Но жизнь Пьесы с Автором – это... как бы точнее... это... это «инцест»! Да, по другому не скажешь... Это извращение движения и развития искусства...

Ну, короче говоря, вздохнул тогда я, и отдал. Ирьюн сразу свернул Пьесу в трубочку (как Душу мою завернул! Аж, больно стало! По листочку писалось, каждая буква выверена... А он – так небрежно!).

Ах, друзья, плохо мне вдруг тогда сделалось. Как-то нехорошо и злобно на душе. Он сворачивает Пьесу, а я зверею... Чуть не бросился отнимать, да режиссер немного успокоил: – Прямо сегодня и прочитаю. Затем подумаю с недельку, и с вами свяжутся...

Шел я домой, а ноги обратно за Пьесой несли. Как до квартиры добрался? Смутно помню. Но помню точно, что всю ночь не спал, а бегал по комнате и переживал: «Что же там, с Пьесой моей, мужик этот делает?»

Утром я не выдержал и позвонил в Театр. И знал, что рано... И знал, что глупо и малодушно поступаю... Но все ж позвонил и попросил позвать режиссера.

Не поверите, но Ирьюн сразу трубку взял и... И просто огорошил меня:

– Не понял... Не понял, как здесь, в нашей глуши, такое шекспировское напряжение родилось! Уже и ведущий актер Чугунов посмотрел и сказал сразу: «Я – это „Он“ в Пьесе!» А я уже вижу, как это все заживет в пространстве нашей сцены. Да – это Пьеса для нашего Театра. Все детали обсудим в конце недели. Мы вас обязательно пригласим. Дорогой, поздравляем, Вы – наш Автор!

Сказал он это и положил трубку. А у меня как будто «вакуумная» бомба разорвалась внутри! Полная пустота образовалась! Осел я на стул, «вакуум» стал стремительно заполняться мыслями, и унесло меня куда-то...

...Увидел я, как бы со стороны, то ли себя, то ли какого-то другого молодого человека. Юноша этот медленно шел, озираясь, по огромному полутемному зрительному залу. Шел мимо затянутых в красный, уютный бархат пустых кресел к сцене. А сцена вся светилась каким-то волшебным образом. Как будто все предметы, детали на ней сами себя подсвечивали и притягивали взгляд удивительной загадкой внутреннего огня!

От центра сцены начинались ступени монументальной лестницы, ведущие, судя по колоннам и величественности, в Храм. Последние ступени и колонны Храма скрывались в клубах облаков. На нижней ступени лестницы стояла конструкция, в которой на общем основании были расположены: с одной стороны – вешалка; с другой стороны – виселица.

Молодой человек поднялся на сцену и подошел к лестнице. На самом её верху из-за колонн появился Феномен в балахоне, берете и с дирижерской палочкой.

Феномен сказал:

– Здравствуйте! Вас приветствую я – Театр!

Юноша ответил:

– Здравствуйте!

Театр спустился по лестнице и подошел к молодому человеку.

Театр. Кто Вы?

Юноша: Я – Автор пьесы.

Театр. Зачем Вы пришли сюда?

Автор. Не знаю, что-то привело меня... Жизнь без творчества томила...

Театр. Увы, юноша. Человеку не дано Творить! Ибо Творец был, есть и будет один!!! Вам дано быть Автором. Человеком, познавшим свой талант, данный ему Богом с рождения, и идущим своим Путем! Вы осознали себя Пишущим Автором?

Автор. Не знаю... Пьеса родилась... Ночами писал... Не уверен, хороша ли она... Я начинающий...

Театр. Забудьте это жалкое, пренебрежительное слово! Запомните, для Театра нет Авторков «начинающих», равно как и «продолжающих», «регулярно заканчивающих», «закончивших»... У Театра есть только – Авторы! «Еще не авторы», и «уже не авторы» для Театра не существуют!

Автор. Но нужен ли я Вам? Сколько уже таких здесь побывало.

Театр. Да, Вы правы, Театру прослужили уже тысячи и тысячи... Но, помним ли Мы своих Авторков? Скажите, что такое дом без фундамента, без стен, без крыши, без многих и многих других элементов?

Автор. Это стройка, недоделка...

Театр. Да, это всё что угодно, но не дом. Так и Театр без Авторков: Драматургов, Режиссеров, Актеров, Художников, Музыкантов и других Мастеров всех моих цехов – не Театр! Но они все вошли в Театр, они стали Театром и разделить их Мы не можем!

Автор. Но что же сплачивает всю эту стихию талантов, интеллектов, темпераментов, страстей...

Театр. Элементы дома связывает цемент. Театр связывает – Любовь!

Автор. Любовь... И я любил...

Автор декламирует стихи, с возрастающим напряжением в голосе:

*Я вновь окутан волнами добра,
И голову кружат воспоминанья.
Мир возникает – цвета серебра,
Мир, где живут Любимой очертанья.
Бесплотен облик и почти неразличим,
Но невозможно силы напрягаю!*

(Слева от лестницы, на сцене возникает и усиливается столб чистого, яркого, серебристого света, в котором стоит прекрасная девушка в серебристом одеянии).

Автор продолжает:

*Я оживаю на мгновенье рядом с ним,
И голосу прекрасному внимаю!*

Любимая поёт:

*Любимый, я храню тебя,
Покой твоей души оберегая.
И ты живешь, как все живя,
Но для порывов силы сохраняя!*

Автор тянется к Любимой и поёт:

*Судьба! Ты сколько дашь мне жить?
Но я клянусь, что жил лишь в те мгновенья,*

*Когда мне доводилось рядом быть,
С тобою, о Святое Вдохновенье!*

(Столб света гаснет, и видение Любимой исчезает под раскаты органа).

Автор. Моя Любовь погибла... Оставив только боль... Больше никогда! Никогда!!!
Отмучился... Всё!!!

Театр. О, Любовь! Вам кажется, что вы всё знаете о ней. Или это было с вами, или о ней вы столько прочитали и столько посмотрели, что она стала обыденной. А только Любовь созидает Вечное. Только Любовь держит вас на Земле. И только Любовь держит элементы Театра вместе. Но Любовь не просто всё скрепляет. Она одухотворяет и вдохновляет Театр.

Автор. Любовь в Театре... Я еще и не приблизился к Вам, но Боже, сколько уже нелюбви критики в меня влили!

Театр. Спокойней, молодой человек! Критики нужны и Вам и Театру! Они разгоняют бездарей, талантливых заставляют быть осторожнее, больше работать... Понятно, что Мы говорим о Критиках с большой буквы! А не о тех, кто напишет за плату, что увидел образ Божий в тарелке щей. Критик – это Человек Беспокойный! Не Разумный, а Беспокойный!

Автор. Критики не умны?

Театр. Поймите, Мы не считаем Критика не умным! Критик не разумен в понимании обыденном. Он действительно не понимает и не принимает за незыблемое всё устоявшееся... Он беспокоен в своем поиске нового. Он сам Автор и поэтому пишет своё: не описание произведения, не навязывание своего видения... Создание, уже рожденное, должно жить своими разными жизнями, которые суть понимания каждого зрителя – соавтора своего спектакля. И лишать Зрителя возможности и счастья открыть самому произведение – этот грех, Мы верим, в прошлом!

Автор. Но как, и о чем должен писать критик? Скажите, если Вы всё понимаете!

Театр. Вот это и есть Авторство каждого Критика. И оно отличается от Вашего Авторства.

Автор. Но тогда о чем писать мне? Мне иногда кажется, что всё уже написано: все сюжеты, все...

Театр. Если Вы задали этот вопрос, то не пишите! Автор не ищет темы – они его находят сами. В Эфире витают идеи и их воспринимают души чуткие. Души наделенные талантом и растящие свой талант. И вы, Пишущие Авторы, переписываете с Великих Книг, так как других добрых законов бытия Людей нет.

Автор. Да, все мы переписчики с Великих Книг! Я иногда думаю: «Они написаны, значит, и писать больше ничего не нужно?» Но Великие Книги писали тоже люди! Они сделали всё, что смогли. И Великие Истины и Темы сами заставляют перекладывать их на современный язык и уклад жизни. Жизнь этих Книг продолжается. Они живут вместе с радостью и горем людей, а не стоят загадочными и ненужными обелисками. Великие Книги впитывают всё доброе, что написано людьми, и становятся ещё богаче и понятнее. И в моей пьесе, я надеюсь, есть частица этих Книг!

Театр. Это зрелое рассуждение. У Вас определенно есть возможности стать настоящим Автором.

Автор. «Настоящим Автором...» Эх, всё в мучениях напишешь, а затем поставят один раз на сцене и всё...

Театр. То, о чём и как Вы пишете, определяет, как это будет показано на сцене. Но сила Пишущего Автора в способности «зажечь» своим текстом разных Режиссеров и других Мастеров Театра – вот где истоки поиска формы и содержания! Каждый из них видит сквозь

призму своего мироощущения и поэтому на сцене всегда будет поиск, всегда произведение Автора будет жить, и жить разными жизнями!

Автор. Хватит ли моей жизни, чтобы увидеть эти разные воплощения?

Театр. Ваша жизнь и смерть? Эти главные для вас страсти, что они для Театра? Сказать, что Мы выше этих категорий – значит, сказать правду и солгать одновременно! В Театр росли тысячи людских судеб – тысячи трагикомедий земных метаний. Вся ваша, людская жизнь – театр! Но вы не верите! Не хотите поверить, что все ваши страсти нарисованы или проецируются – кому на облака, а кому и на болото. И важно не нарисованное, а ваше поведение, ваш выбор, ваше движение к Чистому.

Автор. Чистота в Театре... Наслышан, наслышан! Интриги, насилие, зависть, предательство и прочая...

Театр. Грязь в Театре? В Театре нет грязи! Это ваша людская грязь! И это не правда, что в грязи могут вырасти прекрасные цветы. Чем удобряете – тем цветы и пахнут! Ох, сколько около меня ползают этих пресмыкающихся. Простых, и со званиями. Деятели театра? Да, но своего «театра»! Создали его сами и под себя и живут в этом «театре», играя в первую очередь для себя и себя. Но, заставляя других смотреть этот «театр». Истинно говорю: раз есть Антилюди – значит, будут создавать и Антитеатр!

(Справа от лестницы возникает в мертвом, синем свете человек на пьедестале, одетый в тогу, на голове золотой венки, в руках держит лиру).

Человек говорит:

– Я – Нерон, Творец своего Антитеатра! И я – Бог в этом Антитеатре! А в Антитеатре содержание – ничто. Людишки-актеришки – ничто. Форма зрелища – это всё! Насилуй, убивай, жги! Гори Рим... Гори вся Земля, если это зрелище возбуждает меня!

(На сцену выбежали люди с факелами и в масках, выражающих два настроения: или безумную радость, или безумную печаль. Люди бегали вокруг Нерона. А он дергал струны лиры и смеялся. Звуки лиры и смех были омерзительны и страшны! Постепенно синий свет погас, и страшное видение исчезло).

Автор. Господи! Спаси и сохрани Землю!

Театр. «На Бога надейся...» Но Он действует через Людей. И, в конце концов, всё определяют выбор и поступки человеческие. Живи, Чувствуй, Слушай, Смотри и Участвуй. А затем – пиши! Это Ваш фронт борьбы со Злом!

Автор. Есть теория, что Добро и Зло разделяет неуловимая грань, подобная лезвию бритвы. И ты балансируешь между этими понятиями.

Театр. Можно ли жить на лезвии? Попытка балансирования на острой грани раздвигает душу, уничтожает личность. Нет! Эти понятия разделены чем-то незаметным и так легко преодолимым. Посему, не успокаивайте свою совесть, оправдывая свои поступки. Нет, Вы или в добре, или во зле. И этот выбор происходит каждую секунду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.